

Игорь Изборцев

Игорь Александрович Смолькин (творческий псевдоним Игорь Изборцев) – прозаик, публицист, председатель Правления Псковского регионального отделения Союза писателей. Является действительным членом Академии российской словесности и Петровской академии наук и искусств. Автор 20 книг прозы и публицистики. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. благоверного Великого князя Александра Невского, Всероссийской литературной премии им. В. Я. Шишкова, «Отчий дом» им. братьев И. В. и П. В. Киреевских, литературной премии им. Михаила Алексева, им. Расула Гамзатова, Международной литературной премии «Югра», премии администрации Псковской области, премии Союза писателей России «Слово-2019»; лауреат литературного конкурса «Новая библиотека» в номинации им. Ф. М. Достоевского, номинант XII Патриаршей литературной премии им. Свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, на-

граждён призом «Золотой Витязь», грамотой Издательского совета Русской православной церкви, Патриаршим знаком «За вклад в развитие русской литературы» и др.

Является председателем жюри Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник», Всероссийской литературной премии за лучший художественный перевод «Словес связующая нить». Живёт в Пскове.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Рассказ

Накануне местный гидрометцентр в прогнозе назавтра пообещал ясную и безветренную погоду, но, похоже, очередной раз обмишурился: с раннего утра небо насупилось облаками и наглухо заштопило ими солнце. «Расстоится?» – с сомнением думал Пётр Варфоломеевич, поглядывая за окошко; на то, как нахрапистый ветер измывается над худосочными дворовыми деревьями. Пётр Варфоломеевич прихлёбывал остывающий, высветленный долькой лимона чай и мысленно повторял загодя приготовленные к предстоящей встрече слова. Выходило, вроде бы, гладко и вполне убедительно. «Аргументы железные, куда супротив них?» – успокаивал себя Пётр Варфоломеевич, однако буравчики сомнений нехорошо свербели в душе и донимали сердце. Масла в огонь, как всегда, добавила супруга, Александра Георгиевна, не ко времени выскочившая из ванной. Она утёрла красными, распаренными от стирки руками лицо и едко поддела:

– Что, самым умным хочешь быть? Зря стараешься, не выйдет у тебя ничего. Лучше бы стекло на лоджии вставил.

Пётр Варфоломеевич молча ковырял пальцем треугольную заусеницу на клеёнке, с незапамятных времён лежащую на обеденном столе и теперь уж представляющую из себя нечто с ним единое и неделимое. Красные клеточки на клеёнке вытерлись и поблёкли, а белые, напротив, болезненно пожелтели и напоминали скучные лица соседей по палате в гепатитном отделении, где Пётр Варфоломеевич в прошлом году провёл три недели кряду. «Зарекался ведь открывать ей свои планы, – попенял он на себя, – и чего давеча не сдержался и всё ей выложил?»

– Что, помоложе не нашли? – бурчала жена, колыхаясь дебёлым телом у плиты. – Будешь там крутить носом перед молодыми секретаршами.

– Да какие секретарши? – не сдержался Пётр Варфоломеевич. – Какие? Знаешь же, зачем иду. Божье дело. Меня на это батюшка благословил.

– Благословил, – передразнила жена, заталкивая палкой в исходящее паром ведро вздувающуюся пузырём простынь. – Кто тебе подаст, старому хрычу? Шёл бы на паперть и просил Христа ради на своё Божье дело.

– Язва ты, Шурка, – обиделся Пётр Варфоломеевич и в сердцах потянул на себя заусенцию. Та крякнула, поддалась и красно-жёлтым клином потянулась вверх, обнажая заляпанную частичками её клеевидного естества бурую столешницу.

– Язвой ты была, – повторил Пётр Варфоломеевич, испуганно прикрывая ладонью только что созданную им на столе клиновидную брешь, – язвой и помрёшь. Прости, Господи...

– Вот-вот, – Александра Георгиевна колыхнулась телом в сторону супруга, – жену ты мастер обидеть. Покаяться не забудь на исповеди, а то всё пыль пускаешь людям в глаза: вот, мол, какой я праведник.

– Да ну тебя! – махнул рукой Пётр Варфоломеевич и подался из кухни прочь.

В комнате он затеплил лампадку пред иконой Божией Матери Казанской, перекрестился и зашептал: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющийся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианскаго». Этот тропарь из вечернего правила следовало прочесть сорок раз для успеха предстоящего дела. «Милосердия двери отверзи нам... – снова и снова твердил Пётр Варфоломеевич.

С молитовкой этой у Петра Варфоломеевича было связано одно приятное воспоминание – тогда он лишь начинал ходить в храм, и каждый шаг сопряжён был с опасениями сделать что-то не так. Случилось ему познакомиться со старушкой Макриной – имя редкое, доселе такого и не встречал. Помнится, замедлил он у свечного ящика, где только что купил большую пятирублёвую свечу, и растерянно озирался по сторонам, оглядывая подсвечники пред иконами. Стоящая рядом пожилая женщина легко коснулась его руки и тихо спросила:

– Что задумался, мил человек?

– Не знаю, куда поставить, – признался Пётр Варфоломеевич.

– А ты о чём молиться хочешь? Если о здравии, – старушка кивнула на стоящий в центре храма аналой с иконой, – туда ставь. А коли за упокой, то надо к кресту.

Пётр Варфоломеевич проследил за её указующим перстом и у северной стены храма увидел большой крест с распятием.

– Да нет, – замялся Пётр Варфоломеевич, – мне другое надо.

– И чего же? Чего же главнее, чем помолиться о здравии и спасении родных и близких или о родителях покойных? – старушка перекрестилась и склонила голову в поклоне.

– Да я понимаю, – Пётр Варфоломеевич тоже торопливо перекрестился, – но чтобы здоровым быть, нужно хлеб покупать, за квартиру вовремя платить, в общем – деньги какие-никакие иметь. А если зарплату не платят, тогда как?

– И что ж, совсем туго? – участливо склонила голову старушка.

– Совсем, – закивал Пётр Варфоломеевич, – куда уж хуже. И главное, начальство получает, и бригадир наш, и кое-кто из моей смены, а мне всё задерживают. И пенсию зажимают.

Старушка на минуту задумалась, а потом, тронув Петра Варфоломеевича за рукав, сказала:

– Ты вот что, ты Божией Матери свечку поставь. Она главная наша заступница и молитвенница. И молитву ей прочитай «Милосердия двери отверзи нам...». Знаешь такую молитву?

Пётр Варфоломеевич отрицательно покачал головой.

– Найдёшь её в начале вечерних молитв. Молитвослов купи и заучи на память. А перед тем, как пойдёшь просить, сорок раз прочитай, Пресвятая Богородица тогда и поможет...

Пётр Варфоломеевич был человеком самостоятельным, с собственным на всё мнением, но, удивительное дело, старушкиному наказу последовал. Ухватился, как утопающий за соломинку, и прямо-таки загорелся тайной надеждой.

Нет, сомневался, конечно, – что было, то было, – но исполнил, однако, всё в точности и с внутренним трепетом пошёл в заводскую бухгалтерию. И что же? Выдали зарплату. Выдали! Кому-то опять не хватило, а ему отсчитали всё как положено. Вот так! И как не верить ему после этого в силу молитвы?

Закончив правило, Пётр Варфоломеевич с сожалением взглянул на дрожащий золотистый огонёк и осторожно дунул. «У Макрины неугасимая горит, – подумал, – а здесь? Она, конечно, другое дело –

сама себе хозяйка». Но что тут попишешь, у них в семье свой уклад, у них – голова всему Александра Георгиевна.

– Ты что, из ума выжил? – вскипела она, как только увидела теплящуюся, по её мнению, без дела лампаду. – Пожар устроить хочешь? Погорим, по миру пойдём.

– С чего вдруг? – попытался успокоить супругу Пётр Варфоломеевич. – Бог не выдаст, свинья не съест. Просто так ничего не бывает, на всё Божья воля.

– Нет уж, – отрезала Александра Георгиевна. – Я на старости лет по углам мыкаться не собираюсь!

Впрочем, таким порядком жили они с той поры, как вышли из-под венца – на супругу характера Петру Варфоломеевичу никогда не хватало...

И как же странно всё у них складывалось. Пётр Варфоломеевич, когда был помоложе, на хождение жены в церковь смотрел искоса. Посмеивался даже, глядя, как крестится она у иконы и что-то шепчет. Если б кто сказал ему тогда, что сам он в своё время будет терпеливо выстаивать каждую воскресную и праздничную службу, приходя загодя к началу; научится аккуратно креститься и класть поклоны – рассмеялся бы в лучшем случае. Вот так... Но человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. Перевернулась вся его жизнь, как-то тихо и незаметно. Вроде бы и скорби особенно не одолевали – так, мелкие неурядицы да неудобства, хроническая нехватка денег, например. Но разве ж это скорби? Тем не менее со свечечки пятирублёвой да с молитовки, заученной на память, началась для него другая жизнь. «Будем теперь с женой на пару, – думал он, выстаивая первую литургию, – она ведь у нас давняя богомолка». Однако не так всё просто оказалось. Хотя Александра Георгиевна умела и покреститься у божицы и пошептать что-то, но в церковь не шибко ходить любила. Зайдёт лишь свечку поставить на Пасху да на Рождество – вот и вся недолга. Что уж там говорить об исповеди да причащении? И так уж вышло, что теперь она посмеивалась над своим благоверным. «Ну что, богомольник, – поддевала она с ехидцей, – грехи-то все батюшке своему отнёс или утаил чего? Смотри, иначе в Рай не пустят». Пётр Варфоломеевич, хоть и неопытен был в делах духовных, быстро распознал, в чём дело, понял, что есть Вера и вера. Первая – живая, деятельная, как у Макрины, например. Такую веру с большой буквы нужно писать. А другая – холодная и словно мёртвая, с маленькой буквы, одним словом. Держась такой веры, можно и перекреститься и пошептать что-то, но только пустым это останется делом – не шевельнётся ничего в душе, не зазвучит. «Эх, Шурка, Шурка, – жалел Пётр Варфоломеевич супругу, – не научили тебя толком ничему. Кособокая твоя вера, хворая на обе ноги. Вот и дочка наша такая же – вся в тебя». К нему же самому это пришло – накатило откуда-то изнутри, из глубины сердечной. Всё разом стало на свои места, понятным всё стало и оттого – разумным и нужным. Зачем каяться и причащаться? Да разве ж это объяснишь кому, пока сам не испытаешь, пока не ощутишь спокойствие и радость от понимания, что наконец-то сделал в жизни что-то важное и нужное. А лёгкость какая приходит? Словно неземная – вот-вот и взлетишь, словно груз многотонный с плеч долой. Ну, как такое растолкуешь? Где слов нужных найдёшь? Пытался объяснять что-то супруге, да без толку...

Пётр Варфоломеевич спустился по лестнице и вышел из подъезда. Ветер, словно только его и поджидая, тут же швырнул ему в лицо пригоршню злых холодных дождинок. Пётр Варфоломеевич втянул голову в плечи и поднял воротник плаща. На мгновение он замедлил взгляд на разбитом «москвиче» пенсионера Семёнова из двадцать первой квартиры. Машинёшка уж невесть сколько времени стояла на приколе прямо под хозяйскими окнами, мозоля своим неряшливым видом глаза здешнему народу. Семёнов давно махнул на неё рукой, и жильцы свыклись, а Пётр Варфоломеевич всё никак не мог преодолеть чувство брезгливости и, каждый раз проходя мимо, мысленно вышвыривал развалюху прочь со двора. Он хотел сделать это и сейчас, но, увидев, как по коричневому от грязи лобовому стеклу слезинками сбегает тонкие дождевые струйки, пожалел: «Пусть себе стоит, может, и починит когда хозяин». Сунув зонтик под мышку, он посмотрел на часы. «До назначенного времени час с четвертью», – отметил он удовлетворённо и, невзирая на непогоду, решил идти пешком. Вспомнил, как с сомнением давеча качал головой батюшка. На визит-то благословил, но не было уверенности в его глазах.

– Ладно, – махнул наконец рукой, – на всё Божья воля, может быть, и дадут чего. Богачи ведь тоже люди.

– А то как же, – поддакнул Пётр Варфоломеевич, – газеты не зря ведь пишут. Есть, конечно, такие, что никому ни в жизнь ни рубля, но другие помогают. На Божье ведь дело. Грибов точно даст. У него денег, что фантиков.

Пётр Варфоломеевич лично не знал ни Грибова, ни других богачей, разве что по телевизору видел. Про всех остальных Пётр Варфоломеевич определённого мнения не имел, но вот о господине Грибове много чего слышал. Уж больно красиво расписывал тот свои добродетели, когда в депутаты выдвигался. Не так давно это было; тогда газетами с его портретами завалили все почтовые ящики, так что, хочешь не хочешь, а узнаешь, что Грибов и детей любит, и старикам помогает, и на дорогие операции тяжелобольным денег не жалеет. Вот такой вырисовывался человек – щедрый на милости и безотказный.

– Нет, не откажет, – убеждённо повторил Пётр Варфоломеевич, глядя, как батюшка задумчиво теребит бороду. – Нам же не для себя. Понятное дело, если крыша в храме и дальше будет течь, рушиться всё начнет. Опять же, пол подгнил – перестелить надо? Надо. Ему же всё обратно вернётся. Ведь сказано: не оскудеет рука дающего. Сказано?

– Сказано, – подтвердил батюшка. – Вот только если бы все на Бога упование имели, разве ж пришлось тогда просить? Сами бы принесли. Ан не несут.

– Грибов даст, – Пётр Варфоломеевич ладонь на ладонь сложил перед собой руки. – Благословите, пойду просить...

Он ещё раз потеревил свою память, вспоминая, всё ли необходимое исполнил? Выходило, что всё: и Божией Матери помолился, и о своём предстоящем визите заблаговременно предупредил. Накануне Пётр Варфоломеевич лично дважды звонил в приёмную Ивана Сергеевича: в первый раз его просьбу о встрече записали и обещали доложить самому. Во второй раз передали высочайшее согласие и время назначали – аккурат на одиннадцать утра. «Ну вот, раз сам назначил, значит, примет, – успокаивал себя Пётр Варфоломеевич. – А там уж, думаю, не откажет». Ему представлялось, как встречает его сановитый Иван Сергеевич с распростёртыми объятиями и внимательно выслушивает о горестях и бедах православного прихода, украдкой вытирая слезу. Умиляется его, Петра Варфоломеевича, стараниями и трудами. «Да что вы, Господи, говорит, и просите-то всего? Я втрое супротив этого дам, да ещё и иконостас новый вам выстрою»...

Такими мыслями Пётр Варфоломеевич незаметно не на шутку растрогал своё сердце и чуть не пустил слезу. «Какой же всё-таки замечательный человек», – с теплотой и благодарностью думал он о Грибове, уже более не сомневаясь в положительном исходе дела, как будто всё уже было подписано, согласовано и, более того, выдано на руки...

Пётр Варфоломеевич шёл по мосту через Великую. Дождик уже закончился, и только тяжёлые тёмные облака напоминали о непогоде. Они раздутыми овечьими шкурами напоздали из-за спины Петра Варфоломеевича и массивными террасами громоздились впереди, как раз там, где предположительно и находилась конечная цель его путешествия...

Он попытался вызвать в памяти не раз виденное на портретах крупное волевое лицо Грибова, быть может, чуть-чуть одутловатое и обрюзгшее от бессонных ночей, проведённых в заботах и трудах, но выходило как-то не так: то брови слишком густыми выходили, то лысина великоватой. Оставив это пустое занятие, Пётр Варфоломеевич взялся прикидывать, где сподручнее мастеров найти, чтоб пили не шибко и дело знали. На заводе, где уж второй год Пётр Варфоломеевич работал вахтёром, вроде бы и имелись кандидаты на такое дело, – своя строительная бригада, – да только все, как на подбор, сильно пьющие да и с ленцой. А уж то, что через каждое слово матерщина, про то и вообще вспоминать не хотелось. Как таких на Божье дело? Никак нельзя...

В последнее время в жизни Петра Варфоломеевича появилось много этих самых «нельзя». Но привык, стерпелся, и большие и маленькие «нельзя» его уже не тяготили. С маленькими, конечно, было труднее. Ну что за беда, к примеру, яичко в пост съесть или кефирчика испить? Смешные запреты, но... нельзя. Если в этом себе слабинку дашь, то и в большем не устоишь. Таков закон. Вроде бы и жалко Терентьевича, пытающегося что-нибудь с завода уворовать – мелочь какую, ведь свойский мужик... но нельзя. Нельзя потворствовать воровству, чем тогда сам лучше? Назвался груздем, полезай в кузов; на вахте сидишь – пусть и не своему, но сторож. Терентьевич теперь недобро косится, бормочет что-то по углам, но в его смену нести не рискует... Однажды ночью Пётр Варфоломеевич задержал целую группу «несунов»: разобрали ценный японский прибор – и ну его через проходную по мелким частям. Остановил. То-то слёз пролилось, ведь три девицы в это дело нечистое вяпались. И жалко их было, по-человечески жалко, но нельзя на такое сквозь пальцы смотреть. Директор потом выяснял: «В чьё, мол, дежурство, кто задержал?» – «Да Варфоломеич и задержал», – сказали. «Мо-

лодцом, – директор пожал руку и с улыбкой добавил: – Устроил ты им Варфоломеевскую ночь». Так, с лёгкой руки директора, и стали дежурства Петра Варфоломеевича называться «варфоломеевскими ночами». «Чей черёд завтра?» – «Варфоломеевская ночь». – «Ну да? Эх, и выпить не придётся...» В другое-то время несли, находили общий язык с охраной – известное ведь дело, если нельзя, но очень хочется... то можно. Можно, всё можно! А раз так, то давай, Емеля, пили сук, на котором сидишь. Можно! «Вот так и пилим, – с тревогой думал Пётр Варфоломеевич, – и падаем себе вниз, а скоро, глядишь, и всё дерево рухнет. Где ему устоять, если всё можно? Нет, нельзя так...» Частенько размышлял об этом Пётр Варфоломеевич, вот только с кем поделиться? На заводе кому это интересно или в семье? Посмеются. Чем это, скажут, на старости лет голову забиваешь? Ну, батюшке можно доверять, без ответа не останешься. Только он больше старушками занят, обихаживает их, с требы на требу спешит. Можно и с Макриной... Да, вот с ней действительно можно. Старушка Макрина на удивление легко входила в затруднения Петра Варфоломеевича и давала советы. Чаще всего сводилось к одному – молитве. «Молись, Пётр Варфоломеевич, молитва всё преодолеет и как должно образует...»

– Ведь как бывает, – объясняла Макрина, – ты просишь Заступницу нашу усердную помочь тебе, умягчить чьё-то чёрствое сердце, раз, другой, третий просишь, и Она, как скорая помощница, нисходит по твоим молитвам и касается Своей благословляющей десницей этого омертвевшего сердца. И то сразу оживает, как засохший цветок после дождя, и откликается помощью на твою просьбу и нужду. Потом этот человек и сам, может быть, удивляться будет, с чего это он вдруг тебе милость оказал. Но такова сила Божия, которая и мёртвого способна оживить...

У входа в офис Грибова Пётр Варфоломеевич замедлил, перекрестился. «Господи, благослови, Пресвятая Богородица, помоги», – попросил и тронул рукой большую стеклянную дверь. Охранники долго куда-то звонили, выясняя, действительно ли следует пропустить к Самому пенсионера такого-то. Трубка о чём-то невнятно шипела, и стражи с подозрительным прищуром с ног до головы оглядывали Петра Варфоломеевича. А тот оробел, даром что и сам-то был таким же охранником-вахтёром. Хотел уж было сказать об этом, но не решился. А тут как раз и пропустили... Приёмная, не в пример их директорской, была меблирована изящно, с иностранным вкусом: лёгкие удобные кресла и низкие столики с журналами для посетителей; широкие, как Среднеевропейская равнина, секретарские столы, уставленные телефонами, компьютерами и прочей офисной премудростью; под стать всему – дородные стенные шкафы, заполненные книгами и толстенными папками. Петру Варфоломеевичу указали на свободное кресло и велели подождать, однако присесть он не отважился – больно хрупким показалось кожаное сидалище – и подошёл к книжному шкафу. Среди объёмных фолиантов со сводами законов он тут же усмотрел два знакомых, тиснёных золотом корешка: жития святых Димитрия Ростовского за июль и сентябрь. «Ага, бывает тут наш брат, – подумал Пётр Варфоломеевич, – им помогли, а они, значит, одарили благодетеля». Воодушевлённый этой догадкой, он подошёл к креслу и испытующе покачал его рукой за подлокотник.

– Да не бойтесь, они и слона выдержат, – пропыхтел сидящий рядом толстяк и ткнул свёрнутой газетой, которой только что помахивал перед лицом, в кожаное сиденье. – Италия – не какая-нибудь там Серёдка.

– Почему, и у нас могут делать, – возразил Пётр Варфоломеевич, опускаясь в кресло.

– У нас только бананами могут торговать, – пренебрежительно просипел толстяк, – да и то африканскими.

Пётр Варфоломеевич, хотя и не согласен был, промолчал и оглядел прочий собравший по случаю в приёмной народ. Рядом с толстяком примостились две скромного вида женщины, похожие на учительниц, далее – насупленная особа в очках, тоже женского пола, по виду бухгалтер или кадровик. Её как раз пригласили в начальственный кабинет, и освободившееся место занял нервный молодой человек с кипой бумаг в руках. В приёмную вообще непрерывно кто-то заходил, справлялся о чём-то у секретарей и тут же удалялся прочь. При всем этом постоянно звонили телефоны и стрекотали факсы. «Ну и жизнь, – подумал Пётр Варфоломеевич, – не позавидуешь».

– Примет до обеда или нет? – с сомнением покачал головой толстяк. – Сегодня вроде в настроении хозяин?

– А у меня на одиннадцать, – глядя на часы, показывающие уже одиннадцать с четвертью, поделился Пётр Варфоломеевич, – сейчас, наверное, меня...

– А! – пренебрежительно махнул рукой толстяк. – Забудьте. Эти вон с девяти сидят, – он кивнул в сторону словно окаменевших учительниц, – и ещё столько же просидят, будьте уверены.

– Я, конечно, не знаю, – пожал плечами Пётр Варфоломеевич, – но ведь должен быть порядок...

– Это я не знаю, – оборвал его толстяк, – денег сунут в зубы или просто в зубы.

– А вы по какой надобности? – спросил Пётр Варфоломеевич, предположив, что и сосед пришёл к Грибову с какой-то просьбой.

– По самой насущной, – скривился толстяк, – вот думаю, уволят меня или премией поощрят? Работаю я у хозяина директором одного производства. Вроде и нормально всё, но, с другой стороны, может, место моё кому понадобилось? Вчера по телефону наорал, вызвал срочно. Вот и думай, зачем?

Тут на Петра Варфоломеевича накатило и обволокло густое парфюмерное облако. Он оторвал взгляд от собеседника и увидел, как в приёмную wpłyвает массивных размеров женщина, плотно упакованная в куцию во все стороны одежку, уж слишком явно недостаточную для столь крупных габаритов хозяйки. Всё, что оставалось вне костюмчика, неопрятно выпирало и колыхалось, как студенистое желе. Однако женщину, похоже, это вовсе не смущало. Она уверенно подошла к секретарским столам, постучала пальцем по своим ручным часикам и кивнула на дверь кабинета Грибова. Одна из секретарш отправилась к хозяину для выяснений, а обширная мамзель, кокетливо оглядев всех присутствующих мужчин, махнула из-за спины рукой: в приёмную стайкой, как юные гусыньки, втянулись несколько молодых девиц в вызывающе коротких юбках. Парфюмерный запах совсем загустел, и Пётр Варфоломеевич, сделав задумчивый вид, устремил взгляд на свои колени и незаметно зажал нос. Всё же он успел заметить – или показалось? – что обложенные тушью глаза новых посетительниц внутри пустые, словно выедены червями – не глаза, а дыры, одним словом. Прогоняя это глупое видение, Пётр Варфоломеевич всё же озадачился: «А этим-то что тут надо?»

– Мамка привела новых абитуриентов, – зашептал толстяк ему прямо в ухо.

– Каких абитуриентов? – так же шёпотом спросил Пётр Варфоломеевич.

– Ну, – толстяк хихикнул, – девиц, для гостиничного бизнеса.

– А при чём тут Грибов? – искренне удивился Пётр Варфоломеевич. – Они-то что у Грибова будут просить?

– А чего им просить? – самодовольно ухмыльнулся толстяк. – Они у хозяина статья дохода, если и не основная, то достаточно существенная. Сейчас их сам осмотрит, ощупает и в дело направит...

Пётр Варфоломеевич отвернулся, сделав вид, что ему совсем не интересно слушать соседа. «Может, и врёт со злости, наговаривает? – мысленно успокаивал он сам себя. – Мало ли зачем люди пришли?» Однако на сердце у него стало как-то грустновато, да и стрелка часов перевалила за двенадцать...

Около часа пополудни, когда в кабинете у Ивана Сергеевича Грибова успели побывать и мамзель с девицами, и сосед-толстяк (высочивший прочь как ошпаренный, с перекошенным красным лицом: может, и правда в зубы получил?), и какие-то бритоголовые молодцы, шумно обещавшие кого-то завалить и заколбасить, Пётр Варфоломеевич совсем загрустил, и только мужественный вид закаменевших от ожидания учительниц удерживал его на месте. А те, наконец, дождались...

– Вашу просьбу Иван Сергеевич частично удовлетворил, – сказала им улыбающаяся секретарша, – к сожалению, принять он вас сегодня не сможет, но вот, – секретарша потрясла перед их глазами листом бумаги, – на вашем письме сам написал: выделить для детского дома одну бочку краски. Так что не напрасно сидели.

– Но зачем краска? – растерянно спросила одна из учительниц. – Нам же мебель заменить обещали, постельное бельё, денег на продукты. А краска зачем?

– Ну, этого я не знаю, – спрятала улыбку разом построжавшая секретарша. – Краску можете получить на складе в любое время.

Учительницы молча переглянулись, взяли письмо и двинулись прочь из приёмной.

– Ишь, ещё и не довольны, – проворчала им вслед секретарша, – им, видишь ли, бесплатно дают, а они...

Петру Варфоломеевичу стало совсем невмоготу, и он выскочил в коридор.

– Подождите, – окликнул он удаляющихся женщин, – одну минутку.

Женщины обернулись и вопросительно посмотрели на семяющего к ним Петра Варфоломеевича.

– Пойдите, – выдохнул он на ходу, – давайте я адрес ваш запишу, телефон. Мы с батюшкой что-нибудь придумаем, прихожан подключим, на заводе, в конце концов, что-нибудь попросу...

– Да не в этом дело, – покачала головой та самая женщина, что только что разговаривала с секретаршей, – мы ведь и раньше жили без помощи Грибова и дальше проживём. Но ведь он сам обещал: перед выборами был у нас с телевидением, уговорил нас подтвердить, что, дескать, регулярно оказывает помощь нашему детскому дому – тут тебе и мебель, и постельное бельё, и продукты. Золотые горы обещал: ни в чём, мол, не будете знать недостатка. Мы, как дуры, поверили и наговорили всего в объектив, и теперь вот бочка краски...

– Да ладно, Мария, Бог ему судья, – устало махнула рукой вторая женщина. – Пойдём, нам ещё вон сколько обратно добираться. Извините, – склонила она голову в сторону Петра Варфоломеевича.

– Вы адрес всё же оставьте, – настойчиво попросил он.

– А вот берите, – Мария протянула Петру Варфоломеевичу письмо с резолюцией Грибова, – там всё написано, можете, кстати, и краску получить: нам она всё равно без надобности...

После ухода женщин Пётр Варфоломеевич в растерянности гулял по полутёмному коридору. В голове у него что-то перепуталось и поменялось местами: ему вдруг вообразилось, что он сейчас у себя на заводе, несёт свою вахту, и что сейчас ночь – его, варфоломеевская. Мимо проходили люди, и он подозрительно их оглядывал: мало ли что несут. Но потом, оказавшись в очередной раз у двери в приёмную, вспомнил про Грибова и застыл. Его вдруг осенила важная мысль. «Как это Макрина говорила? – припомнил он. – Нисходит Пресвятая Богородица и касается Своими пречистыми перстами омертвевшего сердца? Так?» Пётр Варфоломеевич зажмурился и хлопнул себя ладонью по лбу: «Да как же я, старый недоумок, могу Её просить коснуться такого сердца? Оно же не просто омертвевшее, оно разлагается и смердит». Пётр Варфоломеевич ужаснулся от такой мысли и хотел уж было бежать прочь, но отчего-то совершил обратное: потянул на себя ручку двери в приёмную и вошёл...

У секретарских столов стоял сам Иван Сергеевич Грибов. Он полуобнимал молодую секретаршу и, улыбаясь, шептал ей что-то на ушко. Та же вся цвела и трепетала, словно прижимался к ней не плешивый и животастый Грибов, а какой-нибудь Алён Делон.

– Вы ко мне? – строго спросил Грибов, заметив Петра Варфоломеевича, и скинул руку со спины секретарши. – Я сегодня приём закончил.

– Этот гражданин с утра ждёт, он из церкви какой-то, – подала голос секретарша, – его письмо у вас на столе, Иван Сергеевич.

– Да? – Грибов насупил. – А почему гражданин? Господин. Теперь все господа. Чего вы просите? Пётр Варфоломеевич молчал и задумчиво смотрел на книжные стеллажи.

– Так чего? – нетерпеливо переспросил Грибов. – Может, вам бочку краски? Нам тут два вагона лишних... – он оборвал себя на полуслове, видно не желая далее откровенничать о делах, и вопросительно взглянул на Петра Варфоломеевича. А тот, выйдя наконец из задумчивости, указал на книжную полку:

– Нет, мне вот это, – он быстро подошёл к книжному шкафу и вытащил два томика с житиями святых, – мне вот эти книги, не откажите, пожалуйста.

– Книги? – Грибов удивлённо поднял брови. – Зачем? Для библиотеки или вы молитесь по ним?

– Да, да! – нетерпеливо кивнул Пётр Варфоломеевич. Ему совсем не хотелось вдаваться в рассуждения, к горлу подкатывал тошнотворный ком и хотелось скорей уйти прочь, на воздух.

– Ну, если для библиотеки, берите, на благое дело не жалко, – Грибов вальяжно махнул рукой, – только они там вроде подписаны мне, вы заклейте. Да, Нинель, – кивнул он секретарше, – отметь для какого храма отпускаем, потом в газету: пусть знают избиратели. Всего хорошего, – Грибов широко улыбнулся и протянул Петру Варфоломеевичу руку. Тот на мгновение опешил, потом сделал вид, что подавился, закашлялся и, схватившись за живот, выбежал прочь...

На улице было светло и ясно, тяжёлые тучи расползлись, да и ветра совсем не стало. Однако Пётр Варфоломеевич ничего этого не замечал: для него всё ещё продолжалась начавшаяся в офисном коридоре варфоломеевская ночь. Он бережно, словно спасённое от недоброжелателей ценное имущество, нёс под мышкой книги с житиями. «Ничего, чай не пустой иду, – утешал сам себя, – не зря сходил. Да и каково им было бы там стоять?»

Только на подходе к мосту через Великую он заметил солнце. Ночь затаилась у него за спиной, а потом неслышно унеслась в сторону родного завода, чтобы дожидаться там своей привычной очереди. Всё возвращалось на круги своя...